

ЯКИМ ГРОСУЛ – ПЕРВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ (К столетию со дня рождения)

Вспоминая о Якиме Сергеевиче Гросуле, я каждый раз прихожу к мысли, что именно такие люди, как он, составляют славу и гордость народа, из которого они вышли.

*Президент НАН Украины,
академик Б.Е. Патон*

28 сентября 1976 года скончался Яким Сергеевич Гросул. «Я потерял больше чем президента – писал Борис Романович жене Наталье Иоасафовне. – Такие потери возмещать трудно».

*Вице-президент АН Молдовы,
академик Б.Р. Лазаренко*

Воспоминания сына – Владислава Гросула

Действительно, есть такие страницы биографии основателя и первого президента Молдавской академии наук, «молдавского Ломоносова», как еще его называли при жизни, о которых сейчас мало кто знает. Почему Ломоносова? Не только потому, что простой деревенский паренек ушел в город и стал там руководителем Академии наук, а еще и потому, что он отличался всесторонними знаниями в различных областях науки. Вообще-то в 1933 г. он поступил на физико-математический факультет. Поступил как лучший математик рабфака, и если и колебался, то между физикой и математикой, решив сделать выбор несколько позднее.

Но судьба распорядилась по-иному. Собственно, даже не судьба, а институтское начальство. Как раз в том же году в пединститутах были открыты исторические факультеты. Но студентов оказалось удивительно мало. Молодежь не очень знала, чем станут заниматься будущие историки, ведь тогда страна была устремлена в будущее. Получалось, что игнорируются постановления партии и правительства. Поэтому меры решили принять радикальные. К концу первого курса отца вызвали то ли в партбюро, то ли в комитет комсомола, где состоялся разговор в духе того времени: «Ты что, Гросул, против советской власти?» После этого последовала немая сцена, и говоривший продолжил наступление: «Ты почему не на историческом факультете?» Молодой человек, которому тогда был ровно 21 год, захватил свои конспекты и перешел на исторический факультет. Перешел не просто студент-математик, а лучший студент, круглый отличник – этим самым хотели повысить авторитет нового факультета.

Но, избрав новую специальность, Я.С. Гросул навсегда сохранил интерес к точным и естественным наукам. К тому же он имел к ним врожденные способности. Буквально все схватывал на лету и еще в студенческие годы поражал знакомых своей эрудицией в различных областях знаний, к которым тянулся, испытывая в этом глубокую внутреннюю потребность. Поскольку Яким Сергеевич входил в число первых выпускников истфака, то его готовили к преподавательской деятельности в институте. Тем более в этом вузе работало мало преподавателей-молдаван – он должен был читать лекции и на молдавском языке. Так и получилось. Любопытно, что еще первая учительница Я.С. Гросула – З.С. Тодорашко, когда он окончил начальную школу (кстати, отец стал учеником поздно, в 13 лет), пророчески сказала: «Ты, Гросул, будешь профессором». Опытная учительница уловила выдающиеся способности своего ученика, сына безграмотной молдавской крестьянки и старого солдата, имевшего большую жизненную школу, но получившего образование всего лишь в объеме церковно-приходской школы.

Интересный эпизод произошел во время Дней молдавской культуры в Москве в конце 60-х гг. Я.С. Гросулу пришлось долго выступать во время пресс-конференции, на которую почему-то пришло много иностранных журналистов. Он отвечал на один вопрос за другим, и было

видно, что в зале присутствуют люди, хорошо знакомые с достижениями науки. Число вопросов все возрастало, и президент Молдавской академии наук обстоятельно на них отвечал, касаясь достижений молдавских биологов, физиков, микробиологов, математиков. Наконец кто-то из присутствующих спросил Якима Сергеевича, кто он сам по специальности. И каково же было их удивление, когда последовал ответ – историк. Выступивший затем секретарь ЦК КПМ Д.С. Корнован подчеркнул, что Я.С. Гросул так долго занимается вопросами науки, что трудно сказать, кто он больше – историк или химик. А к химии он действительно проявлял большой интерес. Наша семья дружила с семьей выдающегося химика А.В. Аблова. Антон Васильевич был химиком с мировым именем. В первый приезд в Яссы, в январе 1969 г., был принят председателем Ясского филиала Румынской академии наук, крупным румынским химиком Христофором Симионеску. И очень обрадовался высокой оценке, которую дал ученый трудам А.В. Аблова. Ведь Антона Васильевича я знал с детства, неоднократно с ним беседовал и отдавал должное его многосторонним знаниям. Естественно, что отец, постоянно общавшийся с ним по работе, знал его намного лучше. Постепенно вошел в курс научных дел, причем изучил их до мельчайших деталей. Здесь нельзя не вспомнить, как отец переживал, когда под надуманным предлогом началась травля Аблова, что привело к смещению его с должности директора Института химии.

Будучи близок к А.В. Аблову, отец поддерживал работы и других химиков, вникая в исследования Ю.С. Ляликова, Г.В. Лазурьевского, И.Б. Берсукера, Д.Г. Батыра и пр. Поэтому Корнован имел все основания произнести свою фразу. То же самое можно было сказать и о познаниях Я.С. Гросула в области других наук, ибо все лаборатории, сектора, отделы, не говоря уже об академических институтах, создавались при его непосредственном участии. Прежде чем получить соответствующее финансирование и поддержку в инстанциях, нужно было хорошо знать, чем конкретно занимаются люди. А он знал по имени не только всех научных сотрудников, но и почти всех аспирантов. Мне оставалось только удивляться, как легко отец переходил с одной научной темы на другую. Тридцать лет он «варился» в академическом соку, постоянно общаясь со многими выдающимися учеными, и при его феноменальных способностях все усваивать и схватывать на лету, стал человеком высочайшей научной эрудиции. Эти познания он получал порой в самых неожиданных местах.

Так, например, в начале 60-х гг. я вместе с сестрой Людмилой, отцом и матерью Ханой Соломоновной отдыхал в санатории Совета Министров в Сочи. Там находились многие известные люди, но обычно ученые контактировали с учеными, дипломаты с дипломатами, военные с военными. В то время я учился в аспирантуре, в Москве, и благодаря отцу попал в среду этих корифеев, каждый из которых был флагманом своей науки. Тогда я познакомился с Н.М. Сисакяном – главным ученым секретарем АН СССР, видным языковедом В.В. Виноградовым и другими выдающимися личностями. Я отметил про себя, каким уважением пользовался отец у этих крупнейших ученых страны.

Но я лишь один раз побывал в санатории такого типа, а для отца и матери это являлось правилом. Они не просто отдыхали и лечились, а еще и общались, ибо, когда ученые собираются вместе, они обычно говорят о науке. И это тоже было хорошей школой для самого Якима Сергеевича. Он был знаком с С.И. Вавиловым, тесно сотрудничал с А.П. Несмеяновым, но особенно теплые отношения у него сложились с М.В.Келдышем. Келдыш ценил четкость и насыщенность докладов молдавского президента, уровень его эрудированности и, конечно, хорошо знал его как «человека Академии». Работник Президиума АН СССР В.Д. Новиков, бывший адмирал, сподвижник знаменитого И.Д.Папанина, присутствовавший на выступлениях Я.С. Гросула на Президиуме АН СССР, как-то мне сказал, что Келдыш считает Я.С. Гросула лучшим республиканским президентом.

Чтобы объяснить, как мой отец стал «человеком Академии», надо вернуться к довоенному времени, когда он был деканом истфака. Яким Сергеевич тесно сотрудничал с преподавателями Одесского университета, которые читали лекции студентам–тираспольчанам и с которыми поддерживал контакты и позднее. Именно благодаря им Я.С. Гросул поначалу вышел на московских историков. После войны он, будучи деканом, входил в состав делегации молдавских ученых, принимавших в 1945 г. участие в праздновании 220-летия Академии наук. Отмечалась эта дата весьма широко. Конечно, не случайно. После войны стояла задача – укрепить позиции науки, поднять настроение ученым, которые вели тогда интенсивную работу по нескольким важнейшим программам – атомной, ракетной и др.

Я.С. Гросул, активно участвуя в тот период в организации Кишиневского государственного университета, обратился за помощью к ряду московских ученых.

Мой отец входил в так называемую «пятерку». Кроме большой комиссии по организации университета была, и сегодня никому не известная, «пятерка» главных руководителей создания вуза. В нее входили А. Аблов, Ф. Алифанов, Я. Гросул, Н. Димо, И. Леонов. Считалось, что именно из состава «пятерки» назначат первого ректора университета, и обычно называлось имя Я.С. Гросула. Товарищи отца (часть из них занимала ответственные посты) даже поздравляли его с этим назначением. Они рассуждали следующим образом. А. Аблов тогда еще не являлся членом партии, к тому же он – уроженец Одессы, не молдаванин. Ф. Алифанов отвечал за хозяйственные дела. Н. Димо уже тогда считался немолодым, а И. Леонов, заместитель директора Дипломатической академии, был представителем Москвы. Что касается Я.С. Гросула, то, будучи членом партии, молдаванином, он возглавлял историко-филологический факультет, на котором тогда обучалось 60% всех студентов университета. Он себя очень хорошо зарекомендовал как организатор. Так, в связи с нехваткой абитуриентов он вместе с мамой разъезжал по городам и селам Молдавии и выискивал будущих студентов. Но назначили ректором Леонова, человека, несомненно, опытного, участника Гражданской войны, старого члена партии. Однако он не знал ни Молдавии, ни молдавского языка, и это назначение породило некоторое недовольство среди молдавской интеллигенции.

Отнюдь не все молчали и при Сталине. Люди есть люди, и они высказывают свое мнение, а оно нередко становится достоянием широких кругов общества. Кстати, этот случай даже повысил авторитет Я.С. Гросула. Обиженных у нас любят, хотя сам отец никакой обиды не высказывал. Пройдет более четверти века, и нечто подобное повторится. В связи с 60-летием Гросул был представлен к званию Героя Социалистического Труда. Опять заранее последовали поздравления, но где-то, в какой-то инстанции награждение отменили. На этот счет были разные версии, но факт остается фактом.

По-видимому, недовольство в среде молдавской интеллигенции было зафиксировано и сыграло определенную роль в том, что вскоре после создания Молдавского академического центра Я.С. Гросул был назначен заместителем директора Молдавской базы Академии наук СССР. Постановление о создании Базы было принято еще в 1946 г., но фактически она начала функционировать с весны 1947-го. В газете «Советская Молдавия» 12 марта 1948 г. была опубликована его статья под названием «Над чем мы работаем в Молдавской базе Академии наук СССР» – первая более или менее подробная информация о работе этого учреждения. Среди прочего там писалось: «Молдавская научно-исследовательская база Академии наук СССР организована сравнительно недавно. Не прошло еще и года с момента ее фактического основания». Так что к 12 марта 1948 г. не прошло и года со времени создания Базы. Директором Базы был назначен академик В.П. Волгин, в 1897 г. окончивший одну из кишиневских гимназий, но живший в Москве, и фактически руководил Базой его заместитель. Поначалу заместителем был М.М. Радул, но затем, через несколько месяцев, после его избрания секретарем ЦК КПМ, заместителем стал Я.С. Гросул. В.П. Волгин регулярно пересылал отцу свои доверенности, по которым ему поручалось «руководить и управлять» Базой, и он руководил.

Сегодня уже мало кто помнит это время. Труднейшие 40-е гг. – война, страшный голод, перемещение населения, а затем и коллективизация в молдавском Правобережье. В этих сложнейших условиях создается Молдавский академический центр. Когда Я.С. Гросул пришел в этот коллектив, там было всего 38 сотрудников. Как он сам говорил, все их пальто умещались на одной вешалке. А когда отец скончался, в Академии наук Молдавии уже работало три тысячи человек. К тому же тогда подавляющее количество денежных и материальных ресурсов шло на военные цели, и гражданской науке, особенно в далекой от центра Молдавии, доставались крохи. Не было специалистов по многим отраслям науки, и инженер в Молдавии тогда считался бóльшей редкостью, чем сейчас космонавт.

Наезжая в Москву, Я.С. Гросул прежде всего являлся к В.П. Волгину и в первую очередь ставил его в известность о проблемах Базы, пытаясь добыть для нее все недостающее. Вячеслав Петрович был вице-президентом АН СССР, человеком весьма влиятельным, его даже называли «комиссаром Академии». Он пробивал для Базы дополнительные денежные средства, оборудование, литературу, но все в ограниченных пределах. Его заместитель понимал ситуацию и то, что больших денежных средств и первоклассного оборудования молдавская База не может получить по определению. Но он же хорошо понимал и роль человеческого фактора. Прежде всего, по его мнению, нужно было подбирать способных исследователей вне зависимости от их характера, возраста, пола, национальности и социального положения. Принцип один – предельная научность.

Это все вроде бы элементарно, но только на первый взгляд. Действует и много других факторов, которые даже трудно перечислить.

У историка Я.С. Гросула – большие заслуги перед отечественной генетикой. Непосвященным это покажется парадоксом, но все было именно так. В связи с «делом генетиков» Москву и Ленинград вынужденно покинули многие генетики, наука которых оказалась в самой настоящей опале. Их буквально высылали на окраины. Была здесь и политическая задача – русификация национальных республик. Но, разобравшись в существе дела, Я.С. Гросул понял, что многие из них являлись настоящими учеными, а именно такие нужны были молодому академическому центру. «Побольше бы такой русификации», – как-то сказал мне отец. Действительно, почти каждый из них стал в условиях Молдавии основателем собственной школы. Но для этого нужны были условия, и фактический руководитель Базы их создавал, прекрасно понимая, как важен для приезжих ученых прежде всего психологический климат. В Молдавию переехало несколько сотрудников знаменитого вавилонского ВИРа (Всесоюзного института растениеводства): будущий молдавский академик В.А. Рыбин (заведовал в институте сектором), будущий молдавский член-корреспондент В.В. Арасимович (работала там еще с 1930 г.), доктор биологии З.В. Янушевич. Приехали в страну и энтомолог Я.И. Принц, и фитопатолог Г.А. Патерило, и физиолог А.А. Зубков. Получили возможность работать в Молдавии Д.А. Шутов и Т.С. Гейдеман (супруги), селекционер Н.Ф. Деревицкий. Несколько позднее вернулся в Молдавию из ссылки почвовед, заведовавший когда-то кафедрой агрохимии МГУ, И.Г. Дикусар и др.

Молдавия получила ученых высокого класса, но многие из них считались опальными, и не было гарантии их будущей спокойной жизни. Так республика стала крупным центром советской генетики, хотя о самой генетике в конце сороковых и начале пятидесятых старались не говорить, занимались конкретными научными исследованиями.

В то время люди запросто приходили домой к руководителю Базы. Общались и в другой обстановке. Например, 2 мая (первого была демонстрация) 1948 г. весь коллектив выехал на маевку, которая проводилась на территории опытного хозяйства. И такие маевки проводились затем ежегодно, на них встречались и сотрудники, и члены их семей. Устраивались детские утренники, например новогодние елки, куда дети приходили вместе с родителями, отмечались разного рода праздники. Люди общались, знакомились – неформальная обстановка сближает нередко больше, чем рабочая.

В 1949 г. База трансформировалась в Филиал Академии наук, и его возглавил поначалу заместитель, а затем и директор Ботанического института АН СССР П.А. Баранов. Если В.П. Волгин так и не смог приехать в Кишинев, то Баранов, будучи занятым на основной работе, посещал Кишинев два-три раза в год и то ненадолго. Таким образом, и Филиалом фактически руководил Я.С. Гросул. Коллектив увеличивался, работы становилось все больше, но и научная отдача была все заметнее. В 1954 г. отец назначается официальным руководителем Филиала. Он сразу же выдвигает план преобразования Филиала в Академию наук. Как раз в том же году был превращен в академию Киргизский филиал, и казалось, что создание Молдавской академии будет делом чисто формальным. Но в реальности оказалось далеко не так. Предстояла долгая и тяжелая борьба, затянувшаяся на целых семь лет. Прежде всего встал вопрос о помещении для будущей академии. В 1956 г. его в определенной степени удалось решить. Для кишиневского окружкома было построено большое для того времени здание, но поскольку окружкомы в Молдавии упразднили, то за новое здание разгорелась настоящая борьба между различными учреждениями. Отцу удалось убедить первого секретаря ЦК КПМ З.Т. Сердюка, и здание было передано Филиалу. Я.С. Гросул считал, что академию вполне можно было открыть еще в 1956 г.

Но появлялись все новые и новые сложности. В соответствии с каким-то общесоюзным постановлением из состава Филиала изъяли несколько отделов и институтов, в том числе самый мощный – Институт плодоводства, виноградарства и виноделия, созданный в 1950 г. (в его открытие Я.С. Гросул вложил много сил). В общесоюзном плане, возможно, это и имело какой-то резон, но в Молдавии были свои особенности. Очень непросто создавать каждый новый институт. Молдавский академический центр их создавал, преодолевая немалые препятствия, а затем готовую работу передавали в другие ведомства, прежде всего в Министерство сельского хозяйства. Все это проводилось под знаком укрепления сельского хозяйства. Но и Филиал тогда в основном занимался именно биологией и сельским хозяйством. Передача соответствующих учреждений Минсельхозу отнюдь не повышала их научный уровень. Более того, они стали больше заниматься прикладными делами и удаляться от большой науки. Все-таки министерство есть министерство, и сам дух науки и научная свобода там чувствовались значительно меньше, чем в акаде-

мическом центре. Прошло некоторое время, и Филиалу стали делать замечания: мол, он мало занимается сельским хозяйством. Хорошенькое дело! Филиал создавал учреждения сельскохозяйственного профиля, их изымали из его состава, а затем делали соответствующие замечания.

Чувствовалось, что созданию Молдавской академии кто-то сильно мешает. Кто – предположить было нетрудно. Поскольку в Филиале работали многие генетики и биологи нелысенковского направления, более того, в середине 50-х гг. отношение к генетике в стране заметно изменилось, и они получили возможность для своей легальной работы, Молдавия стала одним из крупнейших центров генетики в СССР. Это, конечно, не могло не насторожить Т.Д. Лысенко, который сохранял тесные отношения с Н.С. Хрущевым. В Молдавии Лысенко имел своих сторонников, хотя, как потом оказалось, не очень многочисленных. Они в основном работали в Министерстве сельского хозяйства. Лысенко и его влияние в Молдавии – это вопрос особый и небезынтересный с точки зрения понимания тех процессов, которые развивались в молдавской науке. Впервые я узнал, что отец – отнюдь не поклонник Лысенко, еще летом 1950 г. Тогда семья снимала дачу в Одессе, и я подружился с несколькими ребятами, отдыхавшими по соседству. Однажды к отцу одного из них, директору какого-то сельскохозяйственного института, приехал в гости сам Лысенко. Мы побежали посмотреть на него, поскольку знали о знаменитом ученом по учебникам. После, радостный, я пришел домой сообщить родителям о великой возможности увидеть самого Лысенко. Никакой эмоции на лице своего отца я не увидел. Удивленный, я направился к выходу и услышал слова, сказанные отцом матери: «Есть и другое мнение».

Лет десять спустя я напомнил отцу этот эпизод, и он разъяснил в общих чертах положение в биологии, о наличии другой научной школы. В частности, он рассказал мне о направлении, возглавлявшемся академиком Н.В. Цициным. Отец отнюдь не считал Лысенко безграмотным агрономом, как представляли его противники. Вскоре я ознакомился с неопубликованными воспоминаниями Н.Ф. Деревецкого, хранившимися в личном архиве отца. Именно в лаборатории Деревецкого начинал свою научную работу молодой Лысенко. Деревецкий позитивно оценивал его первые исследования, но потом потерял меру, возмнил себя всемогущим и стал диктовать свои условия, так как был, по его мнению, специалистом чуть ли не по всем вопросам биологии и сельского хозяйства. Дело, однако, не только в самом Лысенко. Так получилось, что он стал диктатором науки, и власти его активно использовали для того, чтобы держать в узде Академию наук СССР. В этом он сыграл самую негативную роль.

Вообще, отношения большой академии с советской властью складывались не просто. После Октябрьской революции руководство академии даже опасалось её роспуска. Объяснялось это несколькими причинами. С одной стороны, во время труднейшей Гражданской войны численность сотрудников академии увеличилась в три раза, с другой – они столкнулись с серьезными материальными лишениями, которые, как известно, испытывала вся страна. Крупнейших русских ученых стали приглашать за рубеж, обещая различные привилегии. Советская же страна не имела таких возможностей. Не надо забывать, что у каждого ученого, как правило, есть семья – жена, дети, внуки, которые тоже имеют право голоса. В то же время был еще один важный фактор – социальный, который также учитывался. Академиком и членом-корреспондентов пролетарского происхождения тогда не было, преобладали выходцы из дворян, а также священников и купцов. Ольденбург, например, был из древнего дворянского рода, хотя отличался левыми взглядами и выражал недовольство нравами в царской высшей школе, но являлся членом Государственного совета от академии. Однако, несмотря ни на что, науке предоставлялись максимальные условия для развития. В эмиграцию впоследствии отправилось только 5 академиков из 45.

Поэтому состав академии поначалу менялся очень медленно. Этим и воспользовались Лысенко и его сторонники, постоянно бравировавшие своими рабоче-крестьянскими корнями. И социальный состав опальных биологов, оказавшихся в Молдавии, был примерно такой же, как в большой академии. Димо и Деревецкий были сыновьями помещиков, из дворян происходили Д.А. Шутов, К.И. Пангало и ряд других ученых. Выходцами из крестьян являлись разве что И.Г. Дикусар и Г.А. Патерило – участники Гражданской войны, служившие в Красной Армии. И.Г. Дикусара это, однако, не спасло. Уже одно то, что он был учеником академика Д.Н. Прянишникова, не нравилось лысенковцам.

Нелегкой оказалась и судьба Н.А. Димо, подвергавшегося гонениям еще в 30-е гг. После войны вопрос о социальном происхождении ученого поднял один из работников аппарата Президиума АН СССР. Но его спас вице-президент академии, известный металлург И.П. Бардин, рассказавший о том, что Димо еще до 1917 г. в своей лаборатории скрывал революционеров. Тем не менее вопрос социального происхождения не был снят с повести дня. Моему отцу приходилось за

все это отвечать, но он постоянно говорил, что на первом месте должен стоять принцип научности, только так мы можем чего-то достигнуть. И в итоге уровень ряда направлений молдавской науки не уступал московскому. Число публикаций ученых Молдавского академического центра все увеличивалось, причем многие из них основывались на практическом опыте, и это-то особенно не нравилось лысенковцам, решившимся на новую интригу, на сей раз против первого президента молодой Молдавской академии.

Я.С. Гросул – выходец из глубин народных, и с социальным происхождением у него было все нормально. С советской властью у него тоже были нормальные отношения. Он прекрасно понимал, что только благодаря ей в родном селе появилась молдавская школа, без которой он наверняка остался бы неграмотным. Гросул являлся членом республиканского ЦК КПМ, депутатом Верховного Совета республики, а затем и СССР и был хорошо известен своими взглядами. Удар решили нанести неожиданно. В 1961 г. он стал президентом Молдавской академии, проведя большую многотрудную работу по ее организации. Сегодня немногие знают, кто непосредственно ему помогал в этом деле. Среди ближайших сподвижников отца в этом деле я прежде всего назвал бы А.Л. Оуду, географа из Москвы, занимавшегося географией Молдавии и переехавшего в Кишинев. Оуда назначили на должность ученого секретаря Филиала. Нельзя не вспомнить и Л.С. Мациука, тоже некоторое время бывшего ученым секретарем Филиала, а затем ставшего заместителем председателя Президиума Молдавского филиала АН СССР, то есть заместителем Я.С. Гросула. Он отвечал в Филиале за сельское хозяйство и биологию. Особенно следует обратить внимание на эти две фамилии, поскольку сейчас мало кто знает о реальной ситуации того времени. Итак, с августа 1961 г. Филиал был преобразован в академию. Роль в этом мой отец сыграл неоспоримую. Порой высказывается мнение, что он создавал ее для себя. Но так говорят люди, которые не знают тогдашних реалий. В то время на первом плане были точные и естественные науки, и именно их представители возглавляли большую академию и почти все республиканские. Так что не было никакой гарантии, что историк Гросул возглавит академию в Молдавии. Но его роль в ее организации была столь значительной, что никто не мог ее оспорить. Именно за нее он получил орден В.И.Ленина. Указ подписали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев и секретарь Президиума М.П. Георгадзе. За 15 лет руководства Я.С. Гросула академия значительно выросла численно, и заметно увеличилась ее экономическая отдача. К концу 70-х гг. на каждый вложенный рубль экономическая отдача составляла более трех рублей, за их первую половину в различные отрасли народного хозяйства было внедрено 184 предложения, хозяйственных работ выполнено на сумму почти 5 млн рублей – по тем временам довольно крупная сумма, но это уже особый разговор.

Итак, в 1961 г. Я.С. Гросул стал президентом Молдавской академии, а в 1963 г. произошло следующее. Ушел на пенсию И.С. Кодица – Председатель Президиума Верховного Совета МССР, и на его место предложили Я.С. Гросула. Отец категорически отказался. Формально это было повышением, тем более что он автоматически вошел бы в состав бюро ЦК КПМ. Но фактически это означало бы уход из академии, а за ее судьбу он тогда больше всего опасался. Была известна связь первого секретаря ЦК КПМ И.И. Бодюла с Лысенко, вместе с которым они проводили эксперименты с джерсейской породой коров в Молдавии, причем в масштабах всей республики. Академия могла бы оказаться в руках Лысенко, чего никак нельзя было допустить, этого не хотела и Большая академия. Тогда решили заменить метод пряника на метод кнута. На одном из всесоюзных совещаний председатель Комитета по координации научно-исследовательских работ К.Н. Руднев вдруг предложил присоединить Молдавскую академию к Украинской. Это было сделано в определенном контексте, но смысл был именно таким. Зал замер, и Я.С. Гросул ответил категорическим отказом. Его решительно поддержал президент Эстонской академии наук И.Г. Эихфельд, крупный биолог-селекционер, заявивший, что таким образом нарушается суверенитет республики. Поддержали его тогда и другие ученые. Вопрос вроде бы замяли, но все понимали, что не Руднев был автором такой инициативы. Широко распространялись слухи о желании Н.С. Хрущева упразднить академию вообще, и в такой обстановке предложение председателя комитета воспринималось как некое предзнаменование. И действительно, вскоре последовали ответные меры. Я.С. Гросул получает выговор по партийной линии со стандартной для того времени формулировкой – «Засорение кадров». Вздорность обвинений была столь очевидна, что заведующий отделом науки Д.И. Вердыш отказался участвовать в этом грязном деле. Вердыш, кстати, опытный партийный работник, был и министром народного образования, и первым секретарем райкома одновременно с Бодюлом. «Засоренные кадры» – это главный бухгалтер академии Кример, выпускник Коммерческой академии, и несколько технических работников с подобными фамилиями, которые никакой

особой роли в деятельности АНМ не играли, но нужен был предлог. После этого на XI съезде Компартии Молдавии Я.С. Гросула не избрали членом ЦК КПМ, а он был таковым со II по X съезд. И казалось, что судьба его predetermined.

Вообще-то интереснейшее дело: И.И. Бодюл своими экспериментами с джерсейской породой нанес сильнейший удар по молдавскому поголовью скота, а выговор получил президент Академии. Но, как говорится, иногда не везет, а иногда – везет. В октябре 1964 г. на известном Пленуме ЦК КПСС был снят Н.С. Хрущев, а затем немедленно перемещен и Т.Д. Лысенко. Лысенко несколько раз пытался попасть на прием к Брежневу, но тот его не принял. Судьба академии была решена, позиции снова укрепились. Заметно укрепилось и положение отца, поскольку заведующим отделом науки ЦК КПСС стал его давний знакомый С.П. Трапезников, кстати, участвовавший в написании «Истории Молдавии». В ЦК КПСС оказался еще один хороший знакомый Я.С. Гросула – К.У. Черненко, с которым они сотрудничали еще в Молдавии, а затем в Президиуме Верховного Совета СССР, где Я.С. Гросул бывал как депутат Верховного Совета СССР, а К.У. Черненко занимал должность начальника секретариата Президиума. Таким образом, Я.С. Гросул получил сильнейшую поддержку не только в Большой академии, но и в ЦК КПСС. И.И. Бодюл был вынужден несколько присмиреть.

Бодюл снимал одного руководящего работника Молдавии за другим, но отца он снять не мог. Нетрудно представить, что творилось у него в душе при его авторитарном характере. И.И. Бодюл ждал момента. Его чувства выплеснулись, когда в 1971 г. к нему на прием пришла группа молдавских ученых во главе с Я.С. Гросулом. Они поставили вопрос о праздновании 10-летия АН МССР. Бодюл был явно не в духе и заявил: «Вы хотите праздновать, а у нас падает производительность труда, надо лучше понимать политику партии». Обычно сдержанный и предельно корректный Яким Сергеевич ответил ему прямо и нелестно: «Я раньше вас в партии и политику ее понимаю не хуже вас». Действительно, и членом партии, и членом ЦК КПМ Я.С. Гросул стал раньше И.И. Бодюла.

Об этом разговоре мне первым сообщил Е.М. Руссев и лишь затем на мой вопрос откликнулся отец, подтвердив его слово в слово. Было ясно, что начинается новый виток атак на президента академии. Как-то Г.Ф. Антосяк (один из крупнейших руководителей республики) сказал Яким Сергеевичу и мне, присутствовавшему при этом, что Бодюл очень мстителен и, пока не нанесет удар, не успокоится. Еще в начале 60-х гг. сам Георгий Федорович был снят с должности и направлен постпредом Молдавии в Москву. Тогда я, будучи еще молодым аспирантом, беседовал с ним о перспективах молдавской экономики. Антосяк ратовал за опору прежде всего на собственные силы и возможности. Бодюл же стоял за развитие отраслей, далеких от внутренней сырьевой базы Молдавии. Поначалу казалось, что прав Бодюл.

По большому счету, прав оказался Г.Ф. Антосяк, человек огромного опыта, возглавлявший и Госплан республики, и Молдавский совнархоз. Затем он снова вернется в республику и станет первым заместителем председателя Совета Министров. В своих воспоминаниях Бодюл обвинил Антосяка, не отрицая при этом его большой ум и мудрость, в приверженности к консервативным методам управления. В этих же воспоминаниях ничего не говорится о провалах в области животноводства в начале 60-х и конце 70-х гг., за что Бодюл нес прямую ответственность, так как считался прежде всего животноводом-ветеринаром. Он также не рассказал, почему был снят с поста первого секретаря райкома. Кстати, после этого он пришел к Яким Сергеевичу с просьбой взять его на работу, был согласен даже на должность лаборанта. Отец попросил его зайти через два дня, пообещав что-нибудь подыскать. Но за эти два дня решился вопрос о переезде Бодюла в Москву.

Как историк-исследователь я должен оценивать тогдашние процессы предельно взвешенно. И признаюсь, что, несмотря на огромные, непростительные ошибки, И.И. Бодюл немало сделал для республики. Но как сын не могу забыть, что он вел самую настоящую войну против моего отца, и наша семья все это тяжело переживала. Многолетнюю, ничем не обоснованную войну, хотя в воспоминаниях он все-таки дает Яким Сергеевичу весьма высокую оценку. Келдыш считал отца лучшим президентом республиканской академии, Бодюл же постоянно чем-то был недоволен. Обвинения выглядели смехотворно, на уровне того выговора, что был вынесен в 1963 г. Чего только стоят неприятности с Молдавской энциклопедией, которая благодаря именно Я.С. Гросулу была превращена в настоящий институт, подготовивший первую в истории молдавского народа многотомную энциклопедию. Но придирки следовали за придирками. И.И. Бодюл как-то обвинил президента академии в том, что он выписывает два румынских исторических журнала. Оказываясь, их нужно было брать в библиотеке. Такие обвинения мог выдвинуть лишь человек, не знавший научных реалий. В библиотеке за этими журналами среди историков были очереди, ведь поступал

всего лишь один экземпляр. К тому же журналы выписывал В.Я. Гросул, специализировавшийся тогда в области российско-румынских отношений.

Или еще одно из подобных обвинений. Как-то Бодюл заявил, что в академии много евреев, да к тому же президент ее общается с китайским врачом. Он, видимо, забыл, что когда-то евреи составляли в Кишиневе почти 40% населения города и среди них было немало талантливых ученых и преподавателей. Сам И.И. Бодюл сотрудничал с А.Е. Коварским, а что касается китайского врача К.И. Линя, у которого моя сестра проходила курс иглотерапии, то тот же Бодюл посоветовал К.У. Черненко обратиться к его услугам... вот так. Кто поставлял И.И. Бодюлу эту информацию – нетрудно догадаться.

В своих воспоминаниях И.И. Бодюл пишет: «Первый президент Академии наук Молдовы Я.С. Гросул не создал своей школы, но он был страстным глашатаем науки, признанным лидером молдавских ученых, большим патриотом молдавской историографии, организатором и настоящим подвижником молдавской науки. Он обладал широким историческим кругозором и много сил вложил в организацию академии».

Слова не "создал своей школы" вызывают лишь грустную улыбку. Будучи уже в пожилом возрасте, И.И. Бодюл признал многие достоинства отца, но о реальном положении исторической науки Молдавии он просто-напросто не знал. Как декан исторического факультета Кишиневского пединститута, как декан историко-филологического факультета Кишиневского государственного университета, как основатель и первый директор Института истории АН МССР и, конечно, как президент академии мой отец старался способствовать развитию различных направлений исторической науки. Но сам был основателем школы историков-экономистов, одной из самых сильных в Советском Союзе. Его учениками являлись: И.Г. Будак, М.П. Мунтян, В.И. Жуков, И.А. Анцупов, И.И. Левит, А.В. Репида, П.Д. Ройтман, П.Г. Дмитриев и другие историки-экономисты, впоследствии готовившие специалистов в этой области. Отец также сотрудничал с Н.А. Моховым, Я. Копанским, Д.И. Шемяковым, Е.Е. Чертаном и другими историками Молдавии. Как говорил П.В. Советов: «Все мы вышли из «Крестьян Бессарабии» Якима Сергеевича». Речь шла о докторской диссертации Якима Сергеевича и его книге 1956 г., до сих пор самой крупной работе о крестьянах Молдавии. П.В. Советов, юрист по образованию, тогда еще аспирант, писавший диссертацию об «Уложении Василия Лупу», под влиянием работ Я.С. Гросула стал заниматься социально-экономической проблематикой. Кстати, когда в соответствующей анкете, которая была затем помещена в книге «Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории», был задан вопрос об учителях, я назвал среди своих учителей Н.М. Дружинина, Б.Ф. Поршнева, Л.В. Черепнина и Я.С. Гросула.

Много лет спустя, в 2002 г., какой-то бывший работник КГБ Молдавии, выступивший под псевдонимом Г.Кодряну, совершенно справедливо озаглавил один из первых параграфов своей книги «История как поле идеологических битв». Однако он допустил ряд неточностей. Одна из них касается оценки Института истории АН МССР. Там пишется: «В Академии наук МССР утвердилась практика исследования не главных, а второстепенных проблем истории. В Институте истории АН МССР треть научных сотрудников составляли евреи, среди которых была распространена круговая порука». В действительности же, в конце 80-х гг., когда начались националистические выступления в Молдавии, евреи в Институте истории составляли лишь 10%, а что касается второстепенности проблем, то не господину Кодряну судить об этом. В целом Институт истории тогда раскололся, как раскололось и все молдавское общество. Немалые трудности выпали в то время и на долю директора института В.И. Царанова.

В руководстве же Академии наук тогда уже историков не было. Я.С. Гросул скончался в 1976 г., то есть за 12 лет до начала националистического возбуждения. В 1977 г. перестал быть вице-президентом другой академик – историк А.М. Лазарев. Таким образом, ни президент, ни вице-президент, ни академик-секретарь отделения общественных наук историками не были. Более того, историков перестали избирать в академики. Кое-кто тогда не без злорадства говорил, что прошла пора господства историков в академии.

Более того, не в 37-м или 47-м, а в 1984 г. буквально на пустом месте было раздуто дело историков Института истории, и в то же время три историка – Е.М. Руссев, К.А. Поглубко, А.М. Миркинд – покончили жизнь самоубийством. Об этом в книге Г.Кодряну не сказано ни слова. Но это буквально несколько штрихов к положению историков республики в 80-е гг., когда началась пора острейшего идеологического противоборства.

Особо хочу отметить, что, будучи создателем своей школы историков-экономистов, мой отец – президент Академии наук – старался быть выше различных школ и направлений. Он одина-

ково ровно относился ко всем лабораториям, секторам, отделам, институтам, что могут подтвердить те, кто его хорошо знал. Это было характерной чертой его управленческого почерка – стиля академического демократизма, получившего даже отражение в литературе. Его, например, хорошо передал известный химик и историк науки Д.Г. Батыр, подчеркнувший при этом, что Яким Сергеевич говорил с ним обычно на своем родном языке. До 13 лет он знал только молдавский язык, ведь мама его – простая молдавская крестьянка – говорила только по-молдавски, хотя отец, старый солдат, хорошо владел русским и неплохо знал немецкий язык.

Не так давно в беседе с П.А. Паскарем, бывшим Председателем Совета Министров республики, мы коснулись событий конца 80-х – начала 90-х гг., и он откровенно сказал: “Если бы был жив Яким Сергеевич, не было бы многого из того негативного, что тогда произошло”. Так оценил роль Я.С. Гросула человек, хорошо знающий реальные процессы в республике в те годы.

Воспоминания дочери – Людмилы Гросул

28 сентября 1976 года в 8 часов утра у нас в доме раздался телефонный звонок. Звонили из больницы – сообщили, что скончался Я.С. Гросул. Что происходило после этого страшного известия, я смутно помню. Помню, что попросила своего мужа позвонить брату Владиславу в Москву и как через несколько минут пришёл встревоженный В. Войцеховский, известный архитектор, отец моей невестки Нины, и что ещё через какое-то время весь дом был полон людей, лица которых я уже не различала. Наступил день похорон. Под проливным дождем огромнейшая толпа людей шла от главного корпуса Академии наук до Центрального кладбища. Таких многолюдных похорон я никогда не видела.

Я помню своего отца, наверно, с трёх лет. Каким бы усталым он ни приходил с работы, никогда дома не «разряжался», а, наоборот, был очень спокойным, уравновешенным, и казалось, что только дома он отдыхал от нескончаемых трудных дел и постоянных тревог. Вспоминаю, как по вечерам он читал мне сказки и как серьёзно относился ко всем моим детским репликам. После этого он уходил в соседнюю комнату, где много часов работал. Я иногда просыпалась из-за того, что из его комнаты пробивался свет. Утром он вставал раньше всех и уходил на работу.

Отец обладал глубоким, пытливым умом и уникальными человеческими качествами. Он был очень мягким, терпеливым, понимающим и очень способным человеком. Чем бы он ни занимался, всё у него получалось очень качественно. Что угодно он мог мастерить, ремонтировать, ухаживать за цветами (что он делал с особым удовольствием), купать и пеленать детей, готовить для них кашу и т.д. И воспитывал он нас, двоих детей, как-то по-особому, понимая, что главное в воспитании – это большая любовь к детям и личный пример. Что бы мы ни делали, он никогда нас не наказывал, никогда не ругал. Отец был очень аккуратным человеком, во всем любил порядок. Его отец, мой дедушка, во время Первой мировой войны попал в плен в Германии и пробыл там несколько лет. Папа говорил, что именно в Германии дедушка научился «немецкому порядку» и впоследствии учил этому своих детей. Но, если я иногда, приходя из школы, разбрасывала свои вещи, отец не только меня не ругал, а, наоборот, говорил: «Ты, доченька, устала. Отдохни немножко, а я всё сам положу на место». Его доброе отношение ко всем моим поступкам было для меня самым лучшим уроком. Он многому нас учил. Мой брат намного старше меня, и отец с ним отдельно занимался, особенно историей, философией, учил его молдавскому языку. Мне часто помогал делать уроки, прежде всего математику. Очень увлекался спортом. Научил нас хорошо плавать, играть в разные спортивные игры. Вместе с мамой уговорил нас пойти в спортивные секции, причём брат так увлёкся спортом, что стал участником Спартакиады народов СССР, а его рекорд Молдавии по тройному прыжку был побит только несколько лет назад.

Папа часто вспоминал своих родителей. Очень любил своих братьев и сестер. Его брат Георгий жил в Кишинёве, много лет заведовал кафедрой в Педагогическом институте. Дядя Георгий и его жена Галина – добрые и милые люди – часто приходили к нам, и мы с братом чувствовали, что они нас любили как своих детей. Другой брат, Илья, вернулся после войны несколько надломленным и не хотел учиться в университете, хотя был очень способным человеком. Он работал в колхозе и занимался своим хозяйством в селе. У него был самый лучший огород и самое лучшее вино во всей округе. Отец очень трогательно относился к своим сёстрам – Мотре и Марии – и их детям, своим родным племянникам. Он очень сожалел, что не имел возможности часто приезжать к ним в село. Сёстры его обладали прекрасными музыкальными данными, обе пели в церковном хоре и были среди первых хористок капеллы «Дойна». С большим уважением относился отец и к маминим родственникам. Всегда радовался, когда к нам приходили её сёстры – Евгения и Полина, брат Михаил, его жена Елизавета и их дети. Михаил Чернец, известный в городе политэконом, человек чистейшей души и глубокого ума, стал одним из самых близких папиных друзей.

Годы шли, и в нашу семью вливались новые родственники. Широкая душа моего отца была открыта для всех хороших людей. После моего замужества папа очень быстро нашёл общий язык с умными и очень добрыми братьями моего мужа Иосифа – Семёном и Аркадием, с их жёнами и детьми. Очень радовался отец знакомству и в дальнейшем близкой дружбе с родителями моей невестки, художницы Нины, талантливыми и духовно богатыми людьми – Татьяной Андрунакиевич и Валентином Войцеховским. Эти и некоторые другие родственники составляли тесный круг самых близких людей моих родителей.

Нельзя не сказать о той роли, которую мама сыграла в жизни отца. Он полюбил её ещё в студенческие годы, она так и осталась для него «одна любима на всю жытыну». Отец любил и ценил её не только за красоту, удивительную музыкальность и тонкий вкус, но прежде всего, за преданность семье и редкую для женщины силу духа. После смерти их первенца мама иногда была несколько несдержанна. Папа относился к этому с пониманием и даже её недостатки возводил в достоинства. Он гордился тем, что у него «надёжный тыл», и любил цитировать одного английского писателя: «Ворчливая жена – верная жена!» Мама всегда старалась держаться в тени, вела себя очень скромно и категорически отказывалась пользоваться какими-либо льготами, которые в то время предоставлялись начальству. Так, например, наша семья отказалась от апартаментов, отведённых для нас в Голерканах, от специальных магазинов для начальников, а папин водитель В. Пенов всегда удивлялся, почему мама никогда не ездила на персональной машине Якима Сергеевича. Родители не отказывались только от путёвок в правительственные санатории, потому что там можно было получить хорошее лечение. Отец настаивал на этих поездках прежде всего потому, что мама лечилась там от ревматизма.

Уже прошло 36 лет после смерти моего отца, и я не перестаю удивляться, как ему удавалось уделять столько внимания семье и одновременно проводить колоссальную работу по созданию такого уникального научного центра, как Академия наук республики. Он часто говорил с мамой и братом о своей работе. Меня он не хотел втягивать в эти дела, однако «Little pitchers have long ears» (Маленькие дети всё слышат). Я не всё понимала из того, о чем они говорили, но главное я поняла: отец все свои силы, нервы, энергию отдавал главному делу своей жизни – развитию науки в Молдавии. Он и его коллеги начали эту работу почти с нуля, но уже в середине 50-х годов Молдавский филиал мог похвастаться первыми успехами в разработке проблем почвоведения, плодородства и виноградарства (в частности, в области борьбы с вредителями и болезнями винограда), в гидрогеологии, экономике промышленности и сельского хозяйства и т.д.

Нельзя не вспомнить и то, что отец был главным автором проекта по преобразованию Филиала в Академию наук. Немало ночей он провёл над разработкой этого проекта. Сразу после образования АНМ он выступил с предложением о строительстве Академического городка и начал тщательно подбирать место для этого строительства. Его выбор пал на тот район, где сейчас находится ул. Академическая. Выбрал он это место по разным соображениям. Помню только, что одним из преимуществ этого района, как он считал, были хорошая экология и ровное, безоползневое место, подходящее для капитального строительства. После того как предложение отца было принято, началась кипучая работа по проектированию и строительству зданий. Отца волновало возведение не только научно-производственных корпусов, но и жилых домов. Папа всегда очень жалел учёных, у которых не было своего жилья, и буквально «выбивал» каждую копейку у правительства Молдавии для этих целей. Помню, как в течение ряда лет отец начинал свой рабочий день с планёрки у строителей. Его задача заключалась в том, чтобы как можно больше было построено скромных, но добротных квартир для сотрудников. Он вникал в планировку каждого дома. Зная, что Молдавия находится в сейсмоопасной зоне, постоянно консультировался с А. Друмей и его коллегами, которые помогали строить дома с необходимой сейсмоустойчивостью. Отец также настаивал, чтобы между жилыми домами напротив Института химии был разбит сквер, где могли бы отдыхать сотрудники и их дети. В итоге помимо 8 научно-производственных корпусов было построено 11 многоэтажных жилых домов и 2 общежития. Кроме того, были основаны издательство «Știința» и типография, создано опытное хозяйство и построен Опытный завод ИПФ на ул. Миорица, основаны ихтиологические станции в Гаянах и при Молдавской ГРЭС, зоопитомник в Лозово, заложено строительство Ботанического сада, создана база отдыха для сотрудников академии в Балабановке, подготовлен проект строительства санатория в Сергеевке, совместно с Госпланом создана автобаза и т.д. И всё это было сделано за 14 лет. Рядом с моим отцом находились его соратники, те «пчёлки», которые непосредственно участвовали в создании АН Молдовы. Их имена отец произносил как-то по-особому, я бы сказала – с каким-то придыханием, поскольку очень уважал этих людей. Некоторые из них занимались разработкой научных направлений, другие –

организационной работой. Эти имена и фамилии на всю жизнь остались у меня в памяти: П. Баранов, Л. Мацюк, А. Одуд, А. Аблов, И. Дикусар, М. Ярошенко, Я. Принц, Н. Корлэтяну, Г. Гейдеман, А. Коварский, В. Ермуратский, Е. Нирка, Н. Мохов и др. Помимо некоторых из этих учёных после создания АНМ различными подразделениями руководили В. Андрунакиевич, Б. Лазаренко, А. Спасский, Ю. Ляликов, Г. Лазурьевский, П. Дворников, С. Чиботару, И. Вартичан, Т. Малиновский, И. Берсукер, Г. Чалый, И. Дедю, Х. Корбу, К. Попович, К. Морару, К. Сибирский, И. Гохберг, М. Кожокару, Р. Удлер и другие. Особенно хочется выделить В. Андрунакиевича, Б. Лазаренко и А. Спасского. Не понимаю, как отцу удалось уговорить их отказаться от своих постов в Москве (Б. Лазаренко, как мне помнится, был учёным секретарём Президиума АН СССР), от прекрасной работы и переехать в Кишинёв в 1961 году. Это были крупные учёные, которые создали очень сильные научные школы в Молдавии. Результаты их труда можно наблюдать и в наши дни. Так, например, как отметил А. Дикусар в одной из своих статей: «В настоящее время метод Б. Лазаренко используется в 200 фирмах Китая».

Вспоминая о моём отце, В. Андрунакиевич как-то написал: «Я. Гросул, отличаясь хорошо развитым чувством нового, всегда внимательно относился к потребностям расширения математических исследований, радовался первым успехам молдавских математиков». Точно так же отец поддерживал перспективные направления в области физики, химии, биологии и т.д. Например, понимая необходимость изучения физики полупроводников и других областей физики, он предлагает направить в Москву, Ленинград и Киев молодых ученых. Он сказал: «Через 3–4 года мы будем иметь прекрасных специалистов». Так и получилось. В Молдавию вернулась целая плеяда молодых кандидатов наук – блестящих учёных, которые ещё выше подняли планку науки в республике.

Это чувство нового и умение предвидеть насущные проблемы науки подтверждаются теми вопросами, которые отец поднимал ещё в 50-е годы. Это те проблемы, на которых сейчас сосредоточено внимание учёных многих специальностей: защита окружающей среды, очистка воды, большое орошение, предотвращение стихийных бедствий, биологические методы защиты растений, охрана исторических памятников и т.д.

Отец хорошо разбирался в людях, быстро определял среди них способных, помогал карьерному росту (правда, как он сам признавался, кое в ком он сильно разочаровывался). Бытует мнение, что идея о создании Политехнического института принадлежит И. Бодюлю. На самом деле эта была идея Б. Лазаренко, а мой отец ее горячо поддержал. Лишь после этого и И. Бодюль одобрил инициативу, и в результате на создание этого института было выделено необходимое финансирование. Вопрос об утверждении ректором КПИ М. Бологи инициировали отец и Б. Лазаренко, и практически он был решен, но убедительная просьба и желание М. Бологи посвятить жизнь работе в академической среде были удовлетворены. После этого папа убедил И. Бодюля назначить С. Радауцана ректором этого института. С. Радауцану оказался очень хорошим ректором, но, как я поняла, И. Бодюль потом почему-то резко изменил отношение к нему и неожиданно на Бюро ЦК освободил его от этой должности. Помню, как папа очень расстроился из-за случившегося.

Тонкое чувство нового и перспективного, характерное моему отцу, предопределило и мою будущую специальность. Когда мне было 6 или 7 лет, я услышала, как папа говорил с мамой о том, что в школах Молдавии изучают в основном французский и немецкий языки и уделяют очень мало внимания английскому, хотя, как сказал отец, за английским – будущее. И добавил: «Нужно для Милы найти хорошего учителя английского, желательно – носителя языка». Тогда в Молдавии «носителя языка» найти было невозможно. И лишь через пару лет, как-то придя с работы, отец сказал, что в Кишинёв приехал один человек, уроженец Бессарабии, сын дипломатов, окончил в Лондоне среднюю школу и университет и соответственно блестяще владеет английским языком. Звали этого человека Наум Фишер. К счастью, отцу удалось уговорить его со мной заниматься. Вплоть до окончания школы два раза в неделю мой учитель приходил к нам домой и не только учил меня английскому, но и рассказывал много интересного о Великобритании, её истории и традициях. Потом родители убедили меня заниматься немного и немецким, и французским.

Отцу обычно удавалось находить общий язык с руководителями республики. К проблемам академии и проблемам, связанным с развитием Молдавии, поднимаемым моим отцом, с пониманием относились П. Паскарь, К. Ильяшенко, и другие, но были и конфликты. Особенно запомнилось несколько случаев. Так, отец возмущался идеей создания пальметного сада «Память Ильичу» в Слободзейском районе, так как в этих местах, по его словам, почвы очень жирные и способствуют быстрому росту растений, а пальметные сады хорошо растут на обедненных почвах. Он по

этому вопросу ходил к И. Бодюлу, но тот отца не поддержал. В результате отец оказался прав. Этот сад давал низкие урожаи, и, более того, – крестьяне были вынуждены постоянно обрезать быстрорастущие ветки. Все красиво выглядело только на экране.

Что касается опытов по разведению в Молдавии джерсийской породы, завезенной из Канады, и поголовному уничтожению молдавской породы (причем всё это проходило под присмотром работников райкома партии), то возмущению отца не было предела. Однако И. Бодюл снова не поддержал его. Я помню, что отец несколько раз встречался со своим хорошим знакомым, председателем колхоза Глушко, который полностью разделял мнение отца по поводу джерсийской породы. На свой страх и риск Глушко решил спрятать стадо коров молдавской породы в наспех построенных загонах на лужайке в каком-то лесу. И когда эксперимент с джерсийской породой провалился и Молдавия стала закупать коров на Украине, Глушко вывел свое стадо из укрытия. Через некоторое время за это Глушко получил звание Героя Социалистического Труда.

Немало внимания отец уделял и работе сотрудников академии, не занимавшихся непосредственно наукой. У него были прекрасные секретари-референты. Особенно запомнилась очень активная и преданная своей работе Анна Ивановна Александрова. Он также тщательно подбирал бухгалтеров и завхозов, считая, что бухгалтерию и все хозяйственные дела должны вести люди честные и очень экономные. Так, завхоз Н. Бирман очень эффективно вел академическое хозяйство. Руководители всех подразделений боялись его гнева и старались не перерасходовать то, что им выделял Бирман. Даже ходил такой анекдот: «Вы знаете, кто такой Яким Гросул?» – «Конечно, знаю. Это тот, кто работает у Бирмана». Чрезмерная бережливость Бирмана иногда приводила к казусам. Когда в 1974 или 1975 году в Академии наук Молдавии состоялась встреча президентов трех академий – Украины, Белоруссии и Молдавии, отец привез Б. Патона и Н. Борисевича в центральный корпус. Когда они вошли в вестибюль, на полу была расстелена новая красная ковровая дорожка, везде стояли цветы в вазах и т.д. Через какое-то время отец и гости ушли, но через полчаса почему-то вернулись. Вестибюль был уже совершенно пустой: ни дорожки, ни цветов. Отец пришел домой очень расстроенный, так как ему было стыдно перед гостями. Мы с трудом его успокоили.

На следующий день Бирман пришел к отцу в кабинет и сказал: «Вы, наверно, меня уволите». Но не таким был мой отец. Как вспоминает мой муж, как-то в беседе с ним отец сказал: «В моих руках были судьбы многих и многих людей. Но, прежде чем наказать или тем более уволить кого-либо, я не семь раз, а семьсот раз отмерял».

Делать добро было жизненным кредо моего отца. Он, как никто другой, умел жалеть людей, попавших в беду, и помогал им, как мог. Многие об этом помнили, но были и такие, которые не только забывали о том хорошем, что папа сделал, но и предавали его. Он очень переживал, когда сталкивался с такого рода неблагодарностью. Как-то в философских трудах Вольтера он прочитал: «Мудрец кормил всех своих собак, заранее зная, что одна из них его обязательно укусит». Папа неоднократно повторял эти слова, считая это истинно жизненной аллегорией, и продолжал делать добрые дела, несмотря ни на что.

Я всегда гордилась тем, как к отцу относились даже незнакомые люди. В нем была какая-то магия, которая притягивала. Я в этом неоднократно убеждалась, когда мы отдыхали в правительственных санаториях. Отец был скромным, тихим человеком, однако к нему подходили и общались самые известные и уважаемые люди, прежде всего ученые. Так, он погружался в многочасовые беседы с академиками Сисакяном, Топчиевым, Виноградовым и др. К нему тянулись разные люди. С ним подружился знаменитый композитор Д. Кабалевский и А. Хачатурян. Когда Д. Кабалевский узнал, что я учусь в музыкальной школе, он предложил прослушать меня. Сам договорился, чтобы нам предоставили концертный зал. В назначенное время мы с мамой пришли, и этот знаменитый композитор терпеливо слушал, как я играю. В конце сделал несколько замечаний и сказал: «Жаль, что папа не пришел. Я бы с удовольствием с ним побеседовал». Среди друзей отца был и католикос всех армян Вазген. Они вдвоем гуляли по парку, играли в шахматы и т.д. У папы были дружеские отношения и с некоторыми послами, космонавтами и т.д.

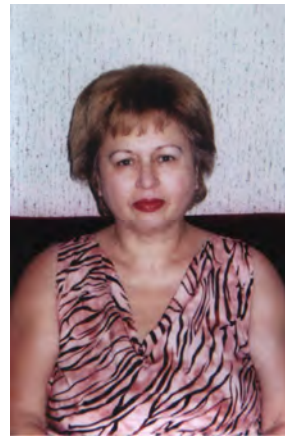
Годы шли. Жизнь продолжалась. Родилась моя дочь Дорина, первая внучка у моих родителей. Такими счастливыми я их никогда не видела. Несколько раз в день к нам приезжал отец, иногда всего на несколько минут, хотя бы взглянуть на обожаемого им ребенка. Через год у моего брата родился сын Павел, продолжатель рода Гросулов, и он тоже стал «светом очей» моих родителей. Внучка Таня родилась за два месяца до смерти отца, и, к сожалению, он ее не видел, хотя успел порадоваться новости о ее рождении.

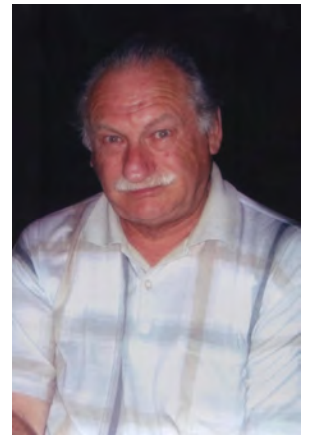
Начало 60-х годов

Жена, начало 50-х годов

Дочь, 2008 год

Сын, 2010 год

1935 год

1937 год, во 2-м ряду

В кругу семьи, конец 50-х годов

*С внучкой Дориной,
1971 год*

*С внуком Павлом,
1971 год*

*Начало 60-х годов,
с акад. М.Ф. Ярошенко*

Начало 50-х годов

Конец 50-х годов

Начало 60-х годов

Вкладыш 1

Начало 50-х годов

1952 год

1953 год

1958 год

1962 год

Середина 60-х годов

Вкладыш 2

26 июля 1960 года

3 августа 1961 года

Середина 60-х годов

Начало 70-х годов

Вкладыш 3

Родившись в крестьянской семье и став педагогом...

**...Яким Гросул ушел из жизни Первым Президентом Академии наук Молдовы.
Похороны состоялись 30 сентября 1976 года**

Вкладыш 4

Казалось, что начало 70-х годов предвещало только радость и счастье. Однако удар судьбы был нанесен неожиданно. Я заболела детской болезнью в 24 года. Болезнь протекала очень тяжело. Мой лечащий врач приходил каждый день, но, к сожалению, не оказывал мне никакой медицинской помощи, считая, что я сама смогу преодолеть недуг. Это при температуре 40! И только благодаря тому, что мой муж вышел на профессора Д. Германа и привел его к нам домой, меня срочно увезли в больницу и спасли от верной смерти. Отец и брат в это время были в Москве. Когда отец прилетел из Москвы и зашел ко мне в палату, я его с трудом узнала, лицо было бледное как полотно, и с двух сторон его поддерживали врачи. Впервые в жизни он не мог взять себя в руки. После этого отец сильно сдал, и примерно через год ему поставили страшный диагноз – рак крови.

Узнав о диагнозе, отец серьезно задумался над тем, кто будет его преемником. Слишком много сил было отдано созданию этого учреждения, чтобы решение вопроса пустить на самотек. Он несколько месяцев обдумывал кандидатуру. Следующим президентом, по его мнению, должен стать очень хороший ученый, организатор науки, энтузиаст своего дела и, что не менее важно, высокопорядочный человек. Он советовался с нашими учеными: Б. Лазаренко, А. Абловым, А. Лазаревым, В. Андрунакиевичем, А. Спасским и др., а также с учеными из Москвы и Киева. В результате был составлен список из четырех человек. В него входили А. Чеботарь (директор Ботанического сада) и три известных физика: М. Болога, В. Москаленко, С. Москаленко.

Как-то отец пошел на прием к И. Бодюлу и вручил ему этот список. После визита он пришел домой расстроенный, так как понял, что Бодюл ни одну из этих кандидатур не поддерживает. Через какое-то время И. Бодюл назначил отцу встречу по этому же вопросу, спросив Якима Сергеевича, кого еще он может предложить. Отец назвал еще три кандидатуры. Точно не помню, кого он назвал, кажется, А. Андриеша, Ф. Фурдюя и П. Солтана, но И. Бодюл подумал и неожиданно сказал, что нужно избрать академиком А. Жученко. Отец ответил, что Жученко не является академическим работником, он его плохо знает и поэтому посоветуется с биологами по поводу его кандидатуры. Однако президентом должен быть избран кто-то из его списка. И. Бодюл никак не отреагировал на слова отца. Вскоре папа скончался, и в 1977 году А. Жученко был избран президентом АН Молдавии.

Последним произведением искусства, которым папа восхищался, была скульптура Моисея, он видел ее в церкви Сан Пьетро, в Риме. Отец говорил, что Моисей – титаническая личность, в которой воплощена вся мудрость человечества. Вернувшись из Италии, он с упоением прочитал роман И. Стоуна о Микеланджело «Муки и радости». Примерно за неделю до своей кончины отец попросил нас снова принести эту книгу, потому что начал ее перечитывать. Он себя уже очень плохо чувствовал. И когда он умер, эта книга лежала на столе возле него с закладкой на 23-й и 24-й страницах.

Так закончилась жизнь моего отца, у которого были свои радости и свои муки, жизнь очень мудрого и бесконечно доброго человека.

Сейчас у отца уже три внука и шесть правнуков. Они все, как и мы, его дети, храним самую нежную память об этом очень дорогом нам человеке.

На вкладышах. 2. 1-й ряд – с ученым секретарем Молдавского филиала АН СССР Л.С. Мацюком осмотр семян грецкого ореха, Бульбокский район; с директором института (впоследствии академиком) П.И. Дворниковым проверяют глубину посадки картофеля; 2-й ряд – представители Республиканской избирательной комиссии по выборам в Совет национальностей Верховного Совета СССР; 3-й ряд – деятели молдавской культуры и науки, Москва: в 1-м ряду – почетный член АНМ Мария Биешу (впоследствии Примадонна Национальной оперы), член-корр. АНМ СССР Н.К. Георгиу, академик Я.С. Гросул; на демонстрации: в 1-м ряду – Я.С. Гросул, А.В. Аблов, В.А. Андрунакиевич. **3.** 1-й ряд – Постановление СМ СССР о создании Академии наук Молдовы, Первая научная сессия Академии наук; 3-й ряд – президент НАН Беларуси академик Н.А. Борисевич, президент АН Молдовы академик Я.С. Гросул, президент НАН Украины академик Б.Е. Патон; президент АНМ академик Я.С. Гросул, академик М.К. Болога (впоследствии директор ИПФ), вице-президент АНМ академик Б.Р. Лазаренко; академик Я.С. Гросул и профессор Д.Н. Наследов знакомятся с результатами работами ИПФ; 4-й ряд – выездная сессия Отделения общей физики и астрономии АН СССР; академики Я.С. Гросул, А.М. Прохоров, В.А. Андрунакиевич, Т.И. Малиновски, С.И. Радауцан с участниками выездной сессии (1973). **4.** 1-й ряд – Яким, сестры Мария и Мотря, мама, дядя Панфилий (1914 г.); Яким (1935 г.); с делегацией Академии наук Румынии (1958 г.); 2-й ряд – встреча с Иоанном Павлом I (1972 г.), 3-й ряд – похороны Якима Сергеевича Гросула (30.09.1976 г.).